

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ПРАКТИКА

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС
И ПЕРСПЕКТИВЫ
МОДЕРНИЗАЦИИ
В РОССИИ:
МИРОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Н.В. Осокина, М.Р. Макарейкина

Реализация принятой Правительством России стратегии модернизации сталкивается со множеством проблем, в том числе связанных со статусом нашей страны на мировой арене. Вступив в международные отношения на невыгодных для себя условиях, Россия может навсегда остаться за бортом мирового развития. В то же время глобализация мирового рынка будет все больше способствовать усилению разрыва между странами центра и периферии мировой экономической системы. При этом развитые цивилизации будут стремиться реализовывать стратегию эксплуатации периферийных стран, извлекая миросистемную ренту путем использования их природных ресурсов и дешевой рабочей силы.

Ключевые слова: модернизация, миросистемный подход, глобализация, периферийные страны, развитые страны.

Объектом настоящего исследования является состояние современной миросистемы в период глобального финансово-экономического кризиса, а также положение в ней России. На этом фоне объектом исследования становятся общественно-экономические отношения, возникающие между центром и периферией по поводу перераспределения ресурсов и миросистемной ренты.

Предмет настоящего исследования – изучение и анализ перспектив модернизации в России, обусловленной кризисным состоянием.

© Осокина Н.В., Макарейкина М.Р., 2012 г.

ем миросистемы (с учетом специфики миросистемного подхода).

Наиболее адекватным методологическим подходом к исследованию мировой экономики является миросистемный анализ, оформившийся в последней трети XX в. Самым известным в России ее теоретиком является американский профессор И. Валлерстайн. Центральной категорией в миросистемном анализе выступает «*миросистема модернити*», сформировавшаяся в XVI в. и существующая на протяжении уже 500 лет. Миросистема состоит из мирохозяйства и политической структуры, состоящей из входящих в международную систему суверенных государств. В мирохозяйстве выделяются страны центра, периферии, полу-периферии и для каждого этапа развития миросистемы – страна-гегемон. И. Валлерстайн отмечает, что существуют «три структурные позиции мироэкономики – сердцевина (центр), периферия и полупериферия (стабилизировались примерно к 1640 г.). Ключевой факт в усилении капиталистических стран центра состоял в том, что в северо-западной Европе изначально заданные легкие отличия совпали с интересами различных местных групп, приведя к развитию сильного государственного механизма... Государственные машины стран центра были усилены, чтобы удовлетворить потребности капиталистических землевладельцев и их союзников – купцов. Как только мы получили разницу в силе государственных машин, в действие вступил неравный обмен, навязываемый сильными государствами слабым, государствами сердцевины – периферийным регионам. Капитализм опирается не только на присвоение собственником прибавочной стоимости, производимой работником, но и на присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, которая производится в мироэкономике в целом. В периферийных зонах мироэкономики как продолжающаяся экспансия центра, так и новая сила полупериферии привели к дальнейшему политическому и, следовательно, экономическому ослаблению периферийных регионов» (Валлерстайн, 2001, с. 38).

Россия вошла в миросистему в конце XVIII в. со статусом полупериферийной страны. Первоначальное накопление капитала происходило на базе дешевого крепостного труда, обеспечивающего преимущества в конкуренции на мировом рынке. Главным субъектом модернизации выступало государство, которое играло важнейшую роль в развитии промышленности при одновременном укреплении в стране позиций иностранного капитала. Буржуазная модернизация была прервана в октябре 1917 г. частичным выходом страны из миросистемы.

Общий вывод, следующий из концепции миросистемного анализа, заключается в том, что развитие капиталистической экономики неотделимо от процесса международной эксплуатации, складывающейся в процессе экономических отношений между центром, периферией и полупериферией. Эксплуатация проявляется в «иерархическом неравенстве распределения», связанном с монополизацией в центре высокоприбыльного производства. Капитализм строится не только на присвоении собственником прибавочной стоимости, производимой его наемными работниками, но и на присвоении «зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом» (Там же).

Теоретик миросистемного анализа И. Валлерстайн был отчасти последователем научных воззрений Розы Люксембург. Так, по мнению Р. Люксембург, некапиталистические социальные слои (выражаясь терминами миросистемного анализа, «периферийные» слои) и некапиталистические страны позволяют осуществлять накопление капитала, предоставляя рынки для капитализации части прибавочной стоимости. Говоря словами самой Люксембург, «капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» (Люксембург, 1934, с. 258). Предельно упрощая данный те-

зис, можно сказать, что процесс накопления капитала возможен лишь при наличии некапиталистической среды.

Ряд главных положений теории миросистемного подхода Валлерстайна перекликаются с некоторыми идеями Розы Люксембург. Так, тезис Валлерстайна о том, что «капитализм изначально был явлением мир-экономики» (Валлерстайн, 2001, с. 38), опирающимся при своем возникновении на мировые торговые потоки, а не на рынки отдельных национальных государств, отчасти основан на схожем выводе Люксембург: «мировой обмен заранее является историческим условием существования капитализма» (Люксембург, 1934, с. 258).

Схожи рассуждения сторонников миросистемного анализа и Розы Люксембург и по вопросу о роли географической экспансии капитализма. По мысли Люксембург, «процесс накопления капитала всеми своими отношениями стоимости и вещественными отношениями – своим постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью – связан с некапиталистическими формами производства» (Люксембург, 1934, с. 258), и, следовательно, оставаться в тесных границах места своего рождения капитализм не может по определению: «если бы ему пришлось пользоваться исключительно только

элементами производства, которые можно добыть в этих узких границах, он не достиг бы своей теперешней высоты, и его развитие вообще было бы невозможно» (Там же).

Однако если для Розы Люксембург главная причина расширения капиталистической системы заключается в необходимости реализации части прибавочной стоимости, для которой не нашлось ресурсов внутри «чистого» капиталистического общества, то для сторонников миросистемного анализа экспансия капитализма связана в большей степени с проблемой перенакопления капитала.

В миросистемном анализе особенности накопления общественного капитала связаны с типом капиталистического развития национальной экономики, обусловленным ее принадлежностью к структурному уровню миросистемы – центру, периферии, полупериферии (см. таблицу).

Одним из инструментариев перераспределения капитала в миросистемном анализе является миросистемная рента. Миросистемная рента – дополнительные доходы, получаемые центром в результате его монопольного положения. Рента возникает за счет того, что государства стран центра и межгосударственная политическая система в целом создают препятствия действиям так называемого свободного рынка, институционализируют

Таблица

Сопоставление характеристик стран центра и периферии в миросистеме

№ п/п	Черты центра	Черты периферии
1	Двойственность сфер возрастания капитала (эндогенная и экзогенная, связанная с извлечением миросистемной ренты)	Отсутствие экзогенной сферы возрастания капитала
2	Положительный синергетический эффект в процессе капитализации эндогенных и экзогенных источников накопления	Неэквивалентный обмен, связанный с перераспределением в пользу центра части эндогенно произведенной прибавочной стоимости
3	Интенсификация развития общественного производительного капитала	Отрицательный синергетический эффект в процессе присвоения антиренты
4	Формирование хозяйственных макроструктур, обладающих стимулами для саморазвития	Экстенсивное развитие общественного производительного капитала

По данным: Осокина Н.В., Суворов А.С. Накопление общественного капитала как макроэкономическая проблема современной России: миросистемный подход // Экономика. 2009. № 1. С. 7–10.

и охраняют преимущества, возникающие в ходе развития миросистемы (Осокина, 2009, с. 4–13). Однако присвоением миросистемной ренты отношения между центром и периферией не исчерпываются. Центр воздействует на периферию, формируя там особый тип экономического развития (зависимого развития) – и специфические особенности накопления капитала.

В ходе зависимого развития воспроизводится способность периферии генерировать миросистемную ренту. Методами этого воздействия становятся: принуждение, опирающееся на военную силу; навязывание так называемого свободного рынка; неравный обмен, «обработка» периферийной элиты; использование межгосударственной политической системы и международных экономических организаций. Совокупность методов воздействия центра на периферию в процессе международной эксплуатации наносит странам периферии определенный ущерб, что составляет содержание миросистемной антиренты. Миросистемная антирента – теоретическое выражение комплекса упущенной выгоды и прямых убытков, которые несут страны периферии в результате ограничения их самостоятельности в экономической политике и неэквивалентного перераспределения ресурсов в пользу стран центра (Там же).

Как гегемон современной миросистемы, США присваивают большую долю миросистемной ренты. В результате они потребляют больше, чем производят. Основную долю миросистемной ренты составляют сеньориальная рента (извлечение дохода от эмиссии мировой резервной валюты, которое может приобретать любая страна) и рента, связанная с кредитованием экономики США держателями ее долговых обязательств (извлечение США дохода от эмиссии доллара как гегемона миросистемы и монополиста на выпуск резервной валюты). Главным каналом ее извлечения являются международные валютно-финансовые отношения. Н. Абдулгамидов, С. Губанов, С. Глазьев, М. Хазин и др. раскрывают механизм эксплуатации США

всего остального мира: «пирамидальный механизм монетарной “иммобилизации” и последующая периодическая “стерилизация” долларовой массы, накапливаемой иностранными держателями» (Абдулгамидов, Губанов, 2002, с. 33). «В последние два десятилетия “империализм доллара” ежегодно выжимает из остального мира неокOLONиальную дань, эквивалентную 6–7% американского ВВП» (Губанов, 2009, с. 5–7). Необходимо заметить, что присваиваемая гегемоном миросистемная рента не связана с более высокой производительностью факторов производства, а есть результат их монополии на резервную валюту, опирающуюся на «авианосный мускул» и «ядерный кольт» (Кургинян, 2009, с. 1–2).

Современный российский ученый Г.Д. Гловели, используя в своих исследованиях концепты миросистемного подхода, рассматривает методику миросистемного анализа с целью как понимания экономической сущности развития России, так и анализа ее историко-политического развития.

Гловели отмечает, что западные ученые мирохозяйственной системы опирались на две глобальные концепции, выдвинутые российской экономической мыслью начала XX в., – учение В.И. Ульянова-Ленина об империализме и гипотеза больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. Активизация в конце XX в. анализа длинноволновой экономической динамики и обращение широких кругов исследователей к миросистемному подходу привели к возникновению новой парадигмы цивилизации, в которой центральное место занимают длительные циклы страны – глобального гегемона (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Дж. Модельски, У. Томпсон и др.).

Исследуя процессы геоэкономики, Гловели также указывает на существование геоэкономического универсума как концептуальной основы понимания новой фазы глобального капитализма, которая характеризуется перераспределением мирового дохода посредством геоэкономических рентных платежей. В новом научном направлении, стимулированном глобализацией, – геоэконо-

мике – центральное место занимает изучение противоречий, связанных со стремлениями государств извлекать доходы из контроля над территориально локализованными ресурсами и над хозяйственными потоками, проходящими через политико-административные границы своей страны.

В рамках миросистемных исследований Гловели уделяет внимание и культурному аспекту: «мир-системный анализ оперирует понятием “геокультура”, обозначающим культурное основание капиталистической мир-экономики – представление о том, что суверенное государство, выбрав правильный экономический курс развития (причем с уже заданными передовыми странами рамочными условиями), достигнет благосостояния и процветания. Быт и экономические институты стран – лидеров капиталистической мировой экономики определяют “геокультурный ареал” – образец для подражания в хозяйственных (и не только) реформах» (Гловели, 2011). Новые страны «ядра» миросистемы задали и новые эталоны ареалов – образцы «мировых стандартов» для экономических преобразований в России (Там же).

В этой связи для дальнейшего развития России важно определить, на какие эталоны (нормы, критерии) ей следует ориентироваться и в каком направлении процесс ее модернизации будет наиболее эффективным.

Для сегодняшней России модернизация экономики является и повесткой дня, и ее долгосрочным проектом. Необходимость модернизации обоснована в официальном документе программного характера – Стратегии развития Российской Федерации до 2020 года, где подчеркивается, что преодоление сложившегося разрыва в уровнях экономического развития России и ведущих мировых держав предполагает принципиальное изменение хозяйственной жизни страны и значительных усилий государства, бизнеса и граждан.

Обсуждение проекта модернизации идет давно, но в обществе пока не утвердилось представления о характере, субъектах и ориентирах модернизации. Было несколько

больших дискуссий, посвященных проблемам российской модернизации, о ее субъектах, содержании, ориентирах, инструментах и путях реализации, модернизационных альянсах (см., например, (Гришин, 2010, с. 95–120; Гонтмахер, 2010)).

Небезусловной является сама возможность осуществления модернизации, поскольку в мире усиливаются кризисные явления, противоборство держав, расширяется практика нарушения норм международного права и растут угрозы вмешательства извне в дела суверенных государств под предлогом защиты демократии. Планы модернизации не имеют под собой прочной основы, пока Россия не осмыслит своего положения в современной глобальной системе и не выработает политики, направленной на коррекцию этого положения.

Термин «модернизация» может быть рассмотрен в двух аспектах: 1) как усовершенствование объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами; 2) как общественно-исторический процесс, связанный с переходом от традиционного доиндустриального общества к развитому индустриальному.

Во втором случае в содержании процесса модернизации обычно выделяют три направления:

- пионерная модернизация стран Западной Европы и Северной Америки, в результате которой в них сформировалось индустриальное капиталистическое общество;
- догоняющая модернизация, в которой участвуют страны, не относящиеся к первой группе, но стремящиеся их догнать;
- эволюционное развитие стран первой группы, реализующееся посредством непрерывного осуществления инноваций и связанное с переходом к постиндустриальному обществу.

Специфика постсоветской переходной модернизации России предполагает, что в процессе модернизации могут решаться задачи, адекватные всем трем направлениям. Задачи первого направления предопределены тем,

что трансформационный кризис 1990-х гг. и сложившаяся постреформационная модель экономики запустили процесс деградации материально-технической базы производства, который получил название деиндустриализации. Кроме того, постсоветское наследие обуславливает ситуацию, в которой функционирование институтов, присущих развитому рынку, – пока дело будущего.

Задачи второго направления вытекают из подхода реформаторов к программе развития России, ориентиром для которого всегда провозглашалась экономика развитых стран Запада.

О задачах, адекватных третьему направлению, размышляют экономисты, которых не устраивает перспектива постоянно находиться «в хвосте», и они выступают за опережающую модернизацию за счет ускоренного формирования ядра нового, шестого технологического уклада (Глазьев, 2009, с. 55). Эти задачи связаны с формированием отечественной инвестиционной системы и отражены в содержании важнейшего документа государственной политики на ближайшую перспективу – Стратегии 2020.

В отличие от С. Глазьева В. Иноземцев не поддерживает концепцию опережающей модернизации, а выступает за догоняющее развитие. Содержание модернизации, по его мнению, связано с повышением эффективности отдельных отраслей производства, она должна быть средством понижения удельных издержек: «...газа надо тратить вдвое меньше на производство единицы ВВП, бетона хотя бы на треть меньше в среднем на квадратный метр строящихся зданий и т.п.» (Иноземцев, 2010, с. 13–14). В этом случае модернизация рассматривается в узкоприкладном смысле, технократически – как усовершенствование техники и технологии производства, т.е. только с точки зрения производительных сил, но не общественных отношений. Кроме того, такой сырьевой тип модернизации России достаточно выгоден Западу. Этот расклад в развитии модернизации нашей страны является для Запада еще одним каналом, способствующим

высвобождению ресурсов для собственного потребления и соответственно извлечению миросистемной ренты.

На наш взгляд, содержание модернизации в России должно трактоваться в широком смысле (с учетом трансформационного пересмотра производственных отношений, а также экономических, политических, социальных изменений). Мы согласны с авторами, которые отмечают, что для успеха модернизации необходима глубокая политическая реформа, демократизация политического режима, а также восстановление социальной справедливости и социальной солидарности. Необходима ликвидация такой ситуации, когда правящая элита и ассоциированный с ней бизнес осуществили «захват значительной части общественного продукта для экстремально высокого личного потребления и создания личных накоплений, прежде всего в зарубежных банковских системах» (Микульский, 2010, с. 7–12).

Понятно, что перестроить общество в России в таком духе сегодня без принуждения не представляется возможным. Должен быть сформирован реформаторский центр в руководстве страны, способный осуществить перестройку общественной системы. Политическая реформа предполагает глубокий пересмотр функций, выполняемых нынешним российским государством. Необходим возврат государства в сферу хозяйствования как выразителя национальных экономических интересов, а также перестройка системы управления государством на принципах персональной ответственности, соревновательности и изменения отношений государственной власти с обществом. «Граждан страны следует реально допустить к участию в управлении, а также дать им возможность контролировать властей предрежащих. Для этого необходимо не только восстановить реальные избирательные права, но и ввести механизм обратной связи, позволяющий гражданам добиваться отставки любого недобросовестного чиновника» (Глазьев, 2009, с. 49–62).

Выбор способа модернизации в России принципиален, поскольку от этого зависит

степень участия и воздействия государства на достижение задач и целей модернизации. Мы согласны с теми авторами, которые выступают за необходимость опережающей модернизации, поскольку она предполагает прежде всего внутренние источники развития и опирается на культурную традицию страны. Именно такой способ: сочетание национальной идентичности и инновационности – использовали успешно модернизовавшиеся государства Юго-Восточной Азии. Такая модернизация ставит целью не воспроизведение всех этапов эволюции или современного состояния наиболее модернизированных стран, но «конструирование» ее состояния в обозримом будущем на основе анализа и прогноза тенденций развития цивилизации (Смолин, 2006).

Главная социальная проблема в модернизации России, на которую указывают очень многие, – это отсутствие социального субъекта модернизации и реальной воли к переменам. Таким субъектом модернизации, по убеждению многих экономистов, таких как В. Красильщиков, В. Иноземцев, А. Нешитой, В. Карачаровский, Р. Дзарасов и т.д., не может быть российский бизнес. Крупные российские монополии, сосредоточивающие основные финансовые ресурсы, не только не осуществляют межотраслевой проектной активности, в ходе которой их свободный капитал переливался бы в стратегические отрасли, но и не реинвестируют сверхприбыли внутри собственных отраслей. «Сверхприбыли используются монополиями исключительно в узкокласовых олигархических целях, и данное положение дел устойчиво сохраняется все 2000-е гг.» (Карачаровский, 2010, с. 19).

Действительно, отечественный крупный бизнес в силу своей специфики вряд ли готов к этой роли. Причем, как отмечает М.А. Чешков, это особая, постсоветская специфика периферии, отличная от специфики азиатских «тигров» и стран БРИК (Гришин, 2010, с. 95–96).

На наш взгляд, специфика современной российской элиты в том, что у нее нет четкой

национальной самоидентификации. Чрезмерная близость России к Западу на протяжении почти всего ее развития в миросистеме стала одной из причин того, что национально-ориентированная буржуазия в ней не сформировалась. Она развивалась в настроениях «ученичества» и ожидания поддержки Запада. Она не пассионарна, она не стремилась противостоять засилью иностранного капитала в национально-освободительной борьбе, как патриотичные представители азиатского и латиноамериканского бизнеса. В крупный бизнес у нас пришли маргиналы: цеховики, фарцовщики, криминалитет и иждивенчески ориентированные дети переродившейся партийной номенклатуры. С. Губанов характеризует сложившуюся в России модель компрадорской экономической системой, основанной на олигархической форме частнокапиталистической собственности. Он совершенно справедливо подчеркивает, что «бесполезно связывать с пореформенной экономической системой перспективу какой-либо модернизации» (Губанов, 2009, с. 5–17).

В этой ситуации некоторые экономисты делают парадоксальный вывод – дело доходит до заявлений, что для России нужна жесткая мобилизационная модель модернизации со стороны внешней силы. «До тех пор пока Россия с ее нынешними элитой, народом и предпринимателями не получит жесткий инструмент навязывания определенных стандартных решений, действующий извне ее территории, успеха модернизации ждать не приходится» (Гришин, 2010, с. 113–115). Иными словами, если у российского бизнеса нет мотивации проводить модернизацию, то следует пригласить в Россию иностранный бизнес и поступиться для этого частью хозяйственного суверенитета.

К сожалению, именно такие представления, вероятно, лежат в основе намерений власти, о которых сообщила российская сторона на Всемирном форуме в Давосе 26 января 2011 г. (Новости, 2011). Тогда Президент Д.А. Медведев отметил, что перечень стратегических предприятий в России сокращен в

пять раз. За ближайшие три года будут приватизированы пакеты акций ведущих компаний банковского, инфраструктурного и энергетического секторов на общую сумму в десятки миллиардов долларов. При этом доходы бюджета – не самоцель, хотя они и важны, но главное – повышение эффективности самих компаний, улучшение конкурентных условий ведения бизнеса в нашей стране.

Однако, как показывает история мировой экономики, приватизация стратегически важных для экономики страны отраслей никогда не приводила к эффективным результатам их использования. Из самой сути миросистемного подхода следует, что центр заинтересован сохранять периферийное развитие капитализма и обеспечивать его воспроизводство повсюду, в том числе и в России. Основная задача реформирования России заключается в том, чтобы создать самостоятельно функционирующую экономику, освободить ее от навязанного «внешнего управления», блокирующего созидательную роль государства в воспроизводственных процессах национальной экономики. Не исключено, что для этого придется осуществить возврат к частичной или относительной автаркии – в качестве средства спасения от деструктивной мировой валютной системы, подчиненной доллару и печатному станку ФРС США (нечто подобное было отражено в трудах ученых, выступающих за концепцию геополитически защищенного «народного дома») (Толкачев, 2010, с. 36–42). Следует подчеркнуть, что современная автаркия означает не полную изоляцию, а хозяйственный суверенитет, причем она не влечет за собой отказа от внешней торговли.

Наша страна в состоянии мобилизовать свой потенциал и использовать его в качестве фундамента для того, чтобы встать на траекторию опережающей модернизации. Важным в данном случае остается вопрос об определении ключевых субъектов модернизации и роли государства в числе этих субъектов. Наш взгляд, нет другого варианта, кроме возврата государства в практику хозяйствования

– в роли выразителя национальных экономических интересов, возвращение политики регулирования и контроля вместо всеобщей либерализации, отказ от идеи унификации социально-хозяйственной жизни по западному образцу. Это особенно важно в условиях продолжающегося системного кризиса, перспективы перехода к этапу торговых войн и предсказываемой многими экспертами возможности распада «атлантического единства». Именно государство должно способствовать реструктуризации экономики в направлении увеличения доли наукоемких отраслей, поскольку развитие высокотехнологичного сектора по определению невозможно ни на частной основе, ни при ориентации на зарубежных инвесторов.

Действительно, отход от статуса страны периферии абсолютно невозможен без специфической социально-экономической роли государства. Основными субъектами накопления общественного капитала на периферии является государство и зарубежные предприниматели. От их специфического соотношения зависит возможность восходящего движения периферии к полупериферии и дальнейшее перемещение по центростремительной траектории. Если государство активно реализует свои экономические функции и контролирует деятельность зарубежных инвесторов, направляя ее к обоюдной выгоде, то такое восходящее продвижение возможно. Если государственное управление и экономическая деятельность становятся все более либеральными, то ресурсы национальной экономики отдаются на откуп иностранному бизнесу. Выгоды в таком случае достаются главным образом коррумпированным чиновникам, а экономика как бы «спускается по лестнице мир-системы», превращаясь в периферию периферии.

Для обеспечения реальной модернизации необходимо осуществить неоиндустриализацию, которая должна строиться на государственно-корпоративной форме собственности в стратегических отраслях и развитии вертикальной интеграции сырьевых,

перерабатывающих и машиностроительных компаний в рамках многоотраслевых корпоративных структур (Губанов, 2008, с. 9–16).

Особое значение приобретает политика государства в области укрепления государственных финансов и кредитно-денежных институтов, принципиальное изменение механизма формирования денежного предложения, введение государственной монополии на торговлю сырьевыми ресурсами, возвращение ограниченной конвертируемости рубля.

Для успешного осуществления модернизации страны независимо от ее территориальных размеров и природных условий необходимо иметь высокий уровень развития науки в качестве собственного источника технологических нововведений и развитую социально-экономическую среду для ассимиляции приобретаемых технологий. Этот уровень определяется структурой и состоянием науки и экономики страны в целом, политическими и социально-экономическими целями развития общества, эффективной институциональной системой. Существующая же модель национальной экономики опирается на пережитки плановой и неустойчивые элементы рыночной экономики, а также на криминальные структуры.

Последние примерно 30 лет происходит превращение фиктивного финансового капитала в главную экономическую форму капитала в экономике стран центра. На протяжении предшествующих 20–30 лет в экономике центра, прежде всего в экономике Соединенных Штатов Америки, фантастическими темпами расширялся финансовый сектор. После 1970 г. капиталистическая миросистема функционировала, пытаясь сохранить прибыль за счет роста потребления, который обеспечивался возрастанием кредитования. Крушение блока стран с альтернативной экономикой во главе с СССР породило невиданный всплеск популярности самих США, их валюты и веры в либеральную рыночную экономику как гарантию процветания.

Страны центра, и в первую очередь гегемон миросистемы – США, стимулировали

гипертрофированный рост финансового сектора, они запустили процесс формирования глобального кризиса, разразившегося в 2008 г. и не прекратившегося до сих пор.

Поверхностные проявления кризиса состояли в том, что он является самым крупным за последние 70 лет по уровню падения ВВП, сокращению промышленного производства и международной торговли. По данным МВФ, впервые после 1930 г. мировой ВВП в 2009 г. уменьшился на 2,2%, или почти на 1,5 трлн долл. в год, при совокупном объеме ВВП в 65 трлн долл. Наибольшее сокращение зафиксировано в развитых странах (на 3,5%). Наблюдалось сочетание банковского, фондового, валютного и долгового кризисов. Мировой кризис и мировая рецессия остановили почти 30-летний рост мирового финансового рынка.

Особенность нынешнего кризиса, по мнению многих экспертов, состоит в том, что он интегрирует несколько кризисов разного рода: технологической модели развития, парадигмы, цивилизации, миросистемы. Поэтому его называют системным.

Кризис миросистемы может проявляться: 1) в кризисе гегемона миросистемы (отсюда – и смена мирового лидерства); 2) в исчерпании ресурсов дальнейшего развития капитализма и переходе к новому функционированию экономики.

И. Валлерстайн рассматривает кризис в качестве предвестника конца миросистемы. Он указывает на исчерпание резервов роста капиталистической прибыли. По прогнозам школы миросистемного анализа, капиталистической мировой экономике как исторической системе осталось существовать 70–80 лет (Валлерстайн, 2008, с. 14). Однако пока неясно, приведет ли данный кризис к падению капиталистической системы в принципе или завершается только текущий этап ее развития. «Период системного кризиса можно представить себе как арену, на которой ведется борьба за выбор новой системы» (Валлерстайн, 2009, с. 51–54). По мнению И. Валлерстайна, вряд ли в ближайшем будущем ситуация сменится

устойчивым равновесием. «Система заходит в тупик, из которого миру будет очень трудно выбраться». Центральная проблема XXI в., как отмечает И. Валлерстайн, – не в «упадке» Запада, а в превращении нашей нынешней мировой системы в другую форму исторической системы. Он подчеркивает, что переход, кончина исторической системы – это скорее ее полная самореализация, а не упадок. Однако медленное сокращение процесса накопления неизбежно. По мере его развития нормальная конкуренция внутри глобальной элиты превратится в постоянную междоусобную войну.

В. Рязанов выделяет следующие возможные сценарии развития мировой экономики: реставрация неолиберальной глобальной модели развития (ее частичная модернизация и смена экономического лидера); переход к протекционистской модели посткризисной экономики; регионализация вместо глобализации и в конце концов – деглобализация, или возвращение государственного регулирования. Мы согласны с автором в том, что идея замены «неолиберальной глобализации» внешне лучшей версией – «демократической глобализацией», по сути, утопична. В условиях капитализма она неосуществима в связи с тем, что встает вопрос об исторических границах капитализма. Поскольку капитализм почти достиг своих естественных границ, то «путь его дальнейшей модификации лежит в сторону освобождения части занятой им территории» (Рязанов, 2010, с. 12–15).

В целях раскрытия специфики влияния глобального кризиса на экономику России необходимо отметить, что во время кризиса 2008–2009 гг. наша страна пострадала сильнее других экономик. Отсутствие притока капитала и падение ВВП способствовало усилению кризисной ситуации. Падение ВВП в 2009 г. на 7,9% невыгодно отличает нашу страну от других стран группы БРИК и даже от других нефтедобывающих государств. Мировой экономический кризис за полтора года отбросил Россию на 2–2,5 года назад, т.е. к 2007 г.: именно в сентябре 2007 г. страна достигла дореформенного объема стоимости ВВП (Заявле-

ние помощника президента..., 2009). Падение промышленного производства достигло 10,3% по отношению к декабрю 2007 г., что стало самым глубоким спадом производства за последнее десятилетие. Инвестиции упали в кризисном году на 16,2%, что выше, чем во многих других странах. Мы получили дефицитный бюджет (В борьбе за капитал..., 2010).

С. Глазьев отмечает, что Россия потратила на антикризисные меры в относительном выражении больше других стран, поэтому «можно оценить проводившуюся в России антикризисную политику как одну из самых низкоэффективных» (Глазьев, 2009, с. 49–62). Такая ситуация объясняется влиянием на экономику России двух кризисных процессов: внешнего мирового кризиса и внутреннего кризиса сложившейся в России модели пореформенной экономики. Это положение требует осмысления особенностей модели капитализма, сложившейся в России, поскольку содержание модернизации не может быть определено без их учета.

Данный вопрос является дискуссионным. Так, по мнению С. Губанова, «системный кризис» России обусловлен трансформацией по модели низшего, домонополистического капитализма времен «свободной конкуренции». С. Губанов делит капитализм на «высший» (регулируемый государством, существующий в передовых странах) и «низший» (стихийный, домонополистический): «альтернатива неизменна: либо высший капитализм, либо стихийный низший». Такой «низший» капитализм он называет «дезинтегрированным» (Губанов, 2009, с. 5–17).

Напротив, К. Микульский отмечает, что российская модель не имеет значимого сходства ни с ранними стадиями развития капитализма, ни с его современной цивилизованной (т.е. относительно социализированной и гуманизированной) формой. Это специфическая модель, в значительной мере свободная «от экономической и политической конкуренции, от давления критериев экономической эффективности, от влияния социальных требований населения, от какого-либо реально-

го воздействия практически отсутствующего (или находящегося в зародышевом состоянии) гражданского общества» (Микульский, 2010, с. 7–12). Таким образом, российская модель капитализма вызывает недоумение, которое объясняется тем, что в общественной мысли укоренилось представление о развитии капитализма по той модели, которую К. Маркс наблюдал в странах центра, и довольно слабо распространено представление о капитализме периферийном.

В действительности капитализм в России и капитализм центра развивались по разным моделям как до Октябрьской революции, так и после реставрации капиталистического проекта в нашей стране в 1992 г. В терминологии миросистемного подхода СССР был противоположен (Лапкин, Пантин, 2001, с. 221). После его крушения Россия вошла в миросистему в статусе полупериферийной страны, статусе, базировавшемся на советском наследии. Так называемые реформы стали причиной потери этого статуса в результате чрезмерной и преждевременной либерализации и дестатизации экономики и политики, результатом которых стало раздробление централизованных производительных сил, дезинтеграция, безоговорочное следование западным рецептам независимо от их выгодности для основного населения страны. Россия стала зоной концентрации периферийных процессов, живущей во многом за счет «проедания» советского наследия.

Таким образом, пореформенная модель экономики создала в России условия для генерации миросистемной ренты и получения ею антиренты, поскольку страна лишилась значительной доли самостоятельности в экономической политике и стала выступать как вассал центра. Как отмечает С. Глазьев, «фактически после расстрела Верховного Совета и осуществления государственного переворота в 1993 г. вплоть до осени 1998 г. в России действовало внешнее управление экономической политикой государства, основные параметры которого разрабатывались экспертами МВФ» (Глазьев, 2010, с. 29).

Выгода от крушения СССР для центра была очевидна: приток «беглых» капиталов, импорт дешевого сырья, резкое расширение рынков, прилив интеллектуальных ресурсов, ликвидация мощного геополитического конкурента, что ослабило необходимость наращивать расходы на вооружение. А главное – гегемон миросистемы получил значительное подкрепление спроса на доллары, иными словами, расширение возможностей присвоения миросистемной ренты. Генерации долларовой ренты содействует как правительство, так и домохозяйства. В течение многих лет вопреки логике развития финансовые власти «вкладывались в развитие экономики наших оппонентов, а не собственной экономики. Общий долг США перед Россией составляет примерно 240 млрд долл.» (Кучуков, 2010, с. 21). Многие авторы (С. Глазьев, С. Губанов, С. Толкачев и др.) отмечают, что Банк России исполняет роль так называемого насоса по откачке рублевой ликвидности из реальной экономики. В то же время он наращивает валютные резервы, размещая их в иностранных долговых ценных бумагах. Как отметил С. Толкачев, «ни один центральный банк в мире не решался на такую политику в отношении внутреннего денежного рынка» (Толкачев, 2010, с. 36–42).

Кроме того, постсоветская Россия является крупнейшим в мире потребителем наличных американских долларов, а каждый купленный за пределами США доллар – это беспроцентный кредит ФРС США.

Получение антиренты проявляется в прямом ущербе от участия России в мирохозяйственных связях. В XXI в. в России сложилось устойчивое отрицательное сальдо инвестиционных доходов (разница между полученными от иностранцев и выплаченными инвестиционными доходами), которое составило в 2011 г. минус 50 000 млн долл., или 3,1% ВВП (Ершов, 2011, с. 29).

Необходимо отметить, что «антирента не есть рента с минусом» (Осокина, 2009, с. 4–13). Вследствие вышеотмеченных действий возник отрицательный синергетический эффект от изъятия и последующего сокраще-

ния ресурсов для накопления. Последствия антиренты состоят в структурной деформации и деиндустриализации экономики, разрыве межотраслевых связей, чрезмерной коррупции и криминализации, тотальном перемещении собственности и доходов от государства и массового потребителя к немногочисленной элите, разбалансированности ценового механизма и в конечном счете – суженном воспроизводстве в отраслях обрабатывающего сектора и низких темпах роста реальных доходов основной массы населения.

Ответом правительства на эти проблемы и стало провозглашение программы модернизации. Но какой должна быть модернизация, что является главными составляющими ее содержания? На наш взгляд, в условиях продолжающейся концентрации периферийных процессов в национальной экономике настоящая модернизация невозможна. Главной стратегической задачей должна стать трансформация периферийной модели развития капитализма в России. Однако эта задача чрезвычайно сложна, поскольку для изменения позиционирования в миросистеме необходимо наличие благоприятного геополитического «окна возможностей». Его появление обычно обусловлено двумя факторами: 1) состоянием взаимоотношений данной национальной экономики с гегемоном миросистемы; 2) состоянием конкуренции периферийных стран между собой за продвижение к центру.

Анализ этих сфер отношений не позволяет сделать оптимистичного вывода, тем не менее «окно возможностей» для России может открыться в результате изменения ситуации в мировой системе, связанной с ее внутренними потрясениями. Эти потрясения могут состоять в перераспределении экономических и политических позиций между странами центра и периферии в мировой системе и наконец в определенном смещении позиций господствующих стран.

Основные центры силы современной миросистемы – США, Евросоюз и Япония в настоящее время переживают серьезные трудности. Их экономика находится в фазе

завершения текущего кондратьевского цикла и одновременно завершения полного эволюционного цикла миросистемы, включающего два следующих друг за другом кондратьевских цикла, т.е. период времени, в среднем равный 80–100 лет. Данный период – период преддверия вступления в повышательную волну нового кондратьевского цикла, который по оценкам экспертов, может наступить уже к 2015–2020 гг. и называется «фазой великих потрясений», связанной со сменой мирового лидера (Пантин, Лапкин, 2011, с. 14). При этом возможно как утверждение нового лидера (группы лидеров), так и своеобразное «перформативное» старого.

На роль нового лидера претендует Китай, за которым, как некогда за Англией, закрепилась слава «мировой фабрики». В стране, занимающей второе место в мире по ВВП и строящей капитализм с китайской спецификой, осуществляется конвергенция рыночного и планового развития, проводятся мероприятия, направленные на превращение страны в мировой инновационный центр, идет подготовка к реализации новой роли государства в мировых финансах. Этим тенденциям противодействуют США, не намеренные уступить лидерство и обладающие огромной ресурсной мощью, особенно в финансовой, инновационной, информационной, военно-технической сфере, и владеющие эффективными технологиями достижения геополитических целей (как мирными, так и военными средствами). В связи с этим некоторые российские ученые не верят в переход лидерства от США к Китаю, поскольку догоняющие страны все равно останутся догоняющими, и «догоняющее развитие, каким бы успешным оно ни было, вряд ли может привести к тому, что сменится лидер» (Иноземцев, 2010, с. 13–14).

Тем не менее современный финансово-экономический кризис является кризисом мирового масштаба и, как отмечалось ранее, имеет характер системного. Наблюдается замедление темпов экономического роста. По данным аналитического доклада ОЭСР, в 2011 г. ВВП США увеличится на 1,78%,

в 2012 г. – на 1,8%. Темпы роста ВВП стран еврозоны еще ниже – соответственно 1,3 и 0,3%. Даже Китай демонстрирует замедление темпов экономического роста, и в перспективе эксперты не исключают их замедление до 5–6% в год в результате уменьшения темпов роста ВВП основных импортеров его продукции (Баранов, Гильмундинов и др., 2011, с. 4). Имеет место тенденция сокращения частного спроса. Не исключено, что мировая экономика в силу исчерпания источников финансирования развития вступает в новое качественное состояние, превращаясь из экономики роста в экономику спада, в лучшем случае – ее стагнации.

Литература

- Абдугамидов Н., Губанов С. Двойные стандарты однопольной глобализации // *Экономист* 2002. № 12.
- АП «Новости: «Президент России выступил на открытии Всемирного экономического форума», 2011 (<http://kremlin.ru/news/10163>).
- Баранов А.О., Гильмундинов В.М., Павлов В.Н., Тагаева Т.О. Перспективы развития экономики России в 2012–2014 гг. // *ЭКО*. 2011. № 12.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.
- Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // *Эксперт*. 2009. № 35.
- В борьбе за капитал (из тезисов выступления Э. Набиуллиной на совместном заседании коллегий Минэкономразвития РФ и Минфина РФ, Москва // *Большой бизнес*. 2010. № 7–8 (73). 14 мая (<http://www.bolshoybusiness.ru/archive/45/1106>).
- Глазьев С.Ю. Антикризисные меры: просчеты, выводы предложения // *Экономическая наука современной России*. 2009. № 2.
- Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
- Гловели Г.Д. История экономических учений. Учеб. пособие. М.: Юрайт, 2011.
- Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // *МЭ и МО*. 2010. № 10.
- Гришин И. Модернизация России в контексте глобализации // *МЭ и МО*. 2010. № 2.
- Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // *Экономист*. 2008. № 9.
- Губанов С. Кризисная динамика: параметры и причины // *Экономист*. 2009. № 3.
- Ершов Ю.С. Что ждет Россию, или можно ли верить долгосрочным экономическим прогнозам? // *ЭКО*. 2011. № 12.
- Заявление помощника президента РФ А. Дворковича о мировом экономическом кризисе, 2009 (<http://newsru.com/finance/08dec2009/dvorg.html>).
- Иноземцев В. Будущее России и новой индустриализации // *Экономист*. 2010. № 11.
- Карачаровский В. Деловая и инновационная активность в российской экономике // *Общество и экономика*. 2010. № 12.
- Кургинян С. Кризис и другие // *Завтра*. 2009. № 17.
- Кучуков Р. Модернизация экономики: проблемы и задачи // *Экономист*. 2010. № 1.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противоцентра» // *Мегатренды мирового развития*. М.: Экономика, 2001.
- Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1–2. М.–Л., 1934.
- Микульский К. О концептуальной проработке задач модернизации Российской экономики // *Общество и экономика*. 2010. № 12.
- Осокина Н. Миросистемная рента и антирента в современной экономике // *Россия в контексте реалий глобальной экономики: сб. научных трудов*. Кемерово: КузГТУ, 2009.

-
- Осокина Н.В., Суворов А.С. Накопление общественного капитала как макроэкономическая проблема современной России: миросистемный подход // Экономика. 2009. № 1.
- Пантин В.В., Лапкин В.И. Север-Юг: прогноз социально-экономической и политической динамики // МЭ и МО. 2011. № 2.
- Рязанов В. Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.
- Смолин О.Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1. С. 5–27; № 2. С. 5–25; № 3. С. 5–14.
- Толкачев С. Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12.
- Фролова Е. Мировой и финансовый рынок: до и после кризиса // ЭКО. 2010. № 7.
- Экономический кризис в России: экспертный взгляд. / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. М.: Ин-т современного развития, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 24.07.2011 г.

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

*И.В. Алексеева, Г.Б. Клейнер,
Н.Н. Садыков*

В статье показано, что модернизация инфраструктуры бизнеса на базе современных сетевых информационных технологий может сыграть важную роль в стабилизации экономического развития страны и предотвращении кризисов. Формулируются требования, которым должна удовлетворять широкофункциональная информационно-коммуникационная система поддержки функционирования международной торговли и логистики. С этой точки зрения анализируется сетевая информационно-аналитическая IT-система фирмы Top Level Network. Исследуются возможные последствия внедрения системы, ее влияние на экономику на микро-, мезо- и макроуровнях.

Ключевые слова: стабилизация экономики, экономический кризис, информационные технологии, экономические системы, международная торговля.

ВВЕДЕНИЕ

Нестабильность развития является одной из хронических болезней экономики. Наиболее заметное выражение эта болезнь находит в спорадическом возникновении кризисов, сотрясающих национальные экономические системы, а в последние десятилетия и мировую экономику в целом. Так, последние 15 лет мировая экономика функционирует в условиях кризиса. Этот кризис принимает разнообразные формы и имеет различную предметно-территориальную локализацию.

© Алексеева И.В., Клейнер Г.Б., Садыков Н.Н., 2012 г.